

КУЗЬМИНА Маргарита Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Автор 29 научных публикаций, в т. ч. двух учебных пособий (одного – в соавт.)*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0111-8011>

**РАССКАЗ «НЕБО» С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГЕМ/КОНСТАНТ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Статья посвящена проблеме изучения семантики языковых единиц в художественной речи, в частности функционированию концепта-аксиологемы в художественном тексте. Цель исследования – рассмотреть концептосферу рассказа С.Н. Сергеева-Ценского «Небо» (1908), связанную с православно-христианской аксиологией, выявить интертекстуальные связи с библейским текстом. Объектом изучения являются следующие концепты-аксиологемы: *Ребенок, Небо, Несопротивление злу/Сопротивление злу, Человеческое достоинство, Умиление, Очищение, Богочеловек/Человекобог* и др. Это важные для русской православной картины мира концепты и значимые концепты языковой картины мира С.Н. Сергеева-Ценского. Непосредственным предметом изучения выступают средства экспликации семантики данных единиц. Актуальность статьи определяется связью с ведущими направлениями современной гуманитарной науки, включающими исследования культурно-ценностной парадигмы. В работе применена комплексная методика, способствующая установлению языковой репрезентации значения концепта на основе сочетания различных методов и приемов анализа: метода концептуального анализа, метода компонентного анализа художественного текста, метода сплошной выборки. Результатом исследования стала реконструкция концептосферы рассказа «Небо». Выявлены семантический объем концептов-аксиологем и способы организации их семантики в речи С.Н. Сергеева-Ценского, а также ассоциативно-семантические связи концептов. Определены пути формирования значения аксиологем в указанном художественном тексте: расширение семантического объема слова, бинарные оппозиции, ассоциативные связи с разными понятиями, сравнительные конструкции. Сделаны частные выводы о чертах поэтики С.Н. Сергеева-Ценского – концептуализации значений отдельных языковых единиц и усилении ценностной составляющей в структуре рассматриваемых концептов в

---

*Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а; e-mail: kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

Для цитирования: Кузьмина М.И. Рассказ «Небо» С.Н. Сергеева-Ценского в контексте аксиологем/констант православной языковой картины мира // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 1. С. 33–43. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.33

светском художественном тексте. Языковой материал может быть использован в специальных курсах по лингвокультурологии, по проблемам изучения языковой картины мира писателя, в курсе филологического анализа текста.

Ключевые слова: семантика языковых единиц, константа, аксиологема, языковая картина мира писателя, С.Н. Сергеев-Ценский, православная картина мира.

Лингвокультурологический аспект изучения семантики языковых единиц в художественной речи стал возможен в связи с изменением научной парадигмы современной лингвистики, развитием антропологического подхода к языковым явлениям, разработкой в лингвистике таких терминов, как «концепт» и «аксиологема». Актуальность работы обусловлена связью с ведущими направлениями современной гуманитарной науки, включающими исследования культурно-ценностной парадигмы. Под концептом в настоящем исследовании традиционно понимается «слово или выражение, семантика которого отражает духовные смыслы о системе мироустройства и о системе ценностей отдельного этноса» [1, с. 47]. Концепты выступают ценностными признаками – ориентирами-символами – и обладают качественной характеристикой феноменов культуры [2, с. 186; 3, с. 211]. В соответствии с теорией Т.В. Романовой, центром концепта также «всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов» [4, с. 30]. Очевидна понятийная близость терминов *концепт* – *константа* – *аксиологема*. Согласно Ю.С. Степанову, В.А. Масловой, Г.А. Крюковой, *константа* – это концепт, существующий постоянно или очень долгое время; в содержании концепта заложен постоянный, неизменный фрагмент картины мира [1, 5, 6]. Концепты религиозной православной картины мира принимаются в настоящем исследовании как константы. Автор данной статьи считает целесообразным определить *аксиологема* как нравственные эстетические идеалы, нормы и образцы поведения.

В современном ценковедении (в работах Д.С. Берестовской [7], Л.Е. Хворовой [8, 9], Т.А. Краснослободцевой [10], С.Г. Иванниковой [11, 12] и др.) утвердился путь изучения поэтики писателя через религиозно-нравственные основы творчества. При разных аспектах рассмотрения творчества С.Н. Сергеева-Ценского исследователей объединяет одно – признание особого мироощущения писателя (эмоционально-ценностной ориентации как способа отношения человека к миру, основы его реакций на мир), которое сам С.Н. Сергеев-Ценский в свое время называл «мирообменом» [10, с. 9; 7, с. 96]. С.Н. Сергеев-Ценский признается, бесспорно, верующим человеком, но в его творчестве вера как способ мышления основана во многом «на интуитивном прозрении», «духовной интуиции». «В его произведениях нет героя-Христа, нет открытых религиозных тенденций, <...> однако везде он незримо присутствует, ибо критерии добра и зла определены в соответствии с постулатами христианской этики» [9, с. 308].

Цель статьи – исследовать концептосферу рассказа «Небо», связанную с православно-христианской аксиологией. Художественное мировидение и религиозное мироощущение С.Н. Сергеева-Ценского в анализируемом тексте проявляются в сложной системе констант-аксиологем, философской символике, лейтмотивности деталей, ономастическом материале. Языковое своеобразие рассказа обнаруживается прежде всего в его семантической системе. Особую эстетическую и символическую, концептуальную нагруженность приобретают слова, связанные с реализацией идей православия.

Концептосферу рассказа составляют разные константы-аксиологемы, но доминирую-

щей оказывается аксиологема *Ребенок*. *Детство* как универсальная общечеловеческая категория и ценность является ключевым концептом любой гуманистической культуры. Общеизвестно, что *детство* – одна из наиболее актуальных тем в писательской практике с XIX до рубежа XX–XXI веков. Долгое время в отечественной и западной словесности детская проблематика рассматривалась в различных аспектах: детский взгляд как особый вид мировосприятия; ребенок как носитель определенных, недоступных взрослым качеств и воззрений; дитя как символ вечности природного и человеческого бытия; ребенок как жертва мира взрослых [13, с. 227].

В рассказе «Небо» С.Н. Сергеева-Ценского два главных персонажа: маленький мальчик по имени *Леня* (2,5 года) и взрослый, *дядя Черный*. Носителем особого мировосприятия оказывается ребенок. Именно Леня станет причиной и возможностью духовного очищения и преображения взрослого персонажа. Постоянными характеристиками мальчика выступают эпитеты *мягкий* и *теплый*. В рассказе данное слово функционирует в значении 'дающий внутреннее ощущение теплоты, ласки; согревающий душу' [14, т. 15, с. 315]. Доброта и сердечность, доброе отношение к кому-либо являются значимыми составляющими картины мира Лени.

В организации образной системы рассказа находит отражение общеизвестная христианская мораль «*будьте как дети*», художественно пересмысленная С.Н. Сергеевым-Ценским во многих его произведениях. Лексема *ребенок* как символ традиционно понимается как «чистота, потенциальные возможности, невинность, искренность» и «мистическое знание, открытость вере» [15, с. 304]. *Ребенок* как ценность христианства связывается с определенными качествами характера, присущими человеку в раннем детстве, но часто утраченными в процессе взросления. Детям свойственны простота, непосредственность, открытость, общительность, доверчивость и др. [16]. *Иисус Христос* указал на ребенка как на того, кто мо-

жет войти в Царство Божие [17, 18:3]. «Славолю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» [17, 11:25]. Дядя Черный, обладая многими знаниями, разумом и опытом, потерял связь сердца с Богом и только через сына друзей меняется и приобретает утраченное знание о мире. Два персонажа (взрослый и ребенок) оказываются тесно связаны, но по отношению к персонажу дяде Черному говорить о категории детскости трудно.

В православной системе ценностей трудным и дискуссионным оказывается вопрос о несопротивлении злу или сопротивлении злу/насилию, так же как и вопрос о возможных способах сопротивления. Следует говорить о двух аспектах данной проблемы: возможности разного поведения в ситуациях, когда зло направлено лично против тебя и когда зло – по отношению к другому человеку. В православном сознании сопротивление насилию не связано со злом. «Христос хочет сказать: не противься злему действию, когда оно направлено лично против тебя» [18], и указывает способы противления злу терпением и кротостью [19].

Обращает на себя внимание тот факт, что в рассказе высока частотность употребления синтаксической конструкции «*Не надо*». Это ключевая фраза текста. В различных коммуникативных ситуациях как несогласие с происходящим в ответных реакциях Лени уверенно звучит категорический императив «*не надо*». Данный императив можно считать репрезентативной единицей аксиологемы *Сопротивление злу/насилию*. Названные контексты употребления не содержат аксиологему православного сознания *Сопротивление злу/насилию*, а лишь раскрывают ее семантику, подводя читателя к ней. В результате в фокусе обозначенности оказывается не понятие, не концепт, а ситуация, поведение испуганного ребенка, его оценка ситуации, источник и причина его оценки (страха и/или возмущения). Указанная аксиологема имплицитно выражается в двух аспектах: сопротивление злу по отношению к себе и сопротивление насилию/злу по отношению к другим. Оба они

связаны с православным пониманием константы. Показательно то, что разработанным в тексте рассказа является второй аспект, тогда как примеров сопротивления/несопротивления злу по отношению к себе совсем немного. В центре повествования мальчик двух с половиной лет, и в таком возрасте любое сопротивление оказывается почти невозможным. Показаны обида ребенка и его вербальная и невербальная реакция на обиду. В каждой ситуации – это плач и уход, а также быстрое забывание обиды. В этом очевидное сближение текста рассказа с Библией: «На злое будьте младенцами» [20, 14:20].

Значимо то, что контекстов противления злу по отношению к другому больше (независимо от того, кто этот другой – человек или животное, выдуманный персонаж или реально существующий). Дядя Черный рассказывает Лене сказки. В ответ на услышанное «козе разрезали живот, / козу волки съели, / бабушка козу спасать, / дедушка бабушку спасать – и их съели» уверенно говорится «Не надо». Ситуации, экплицирующие позицию персонажа – ребенка – и авторскую позицию, имплицитно вводят в концептосферу рассказа *протест против несправедливости*, ответной реакцией на которую также прозвучит «Не надо».

В православной картине мира негативным окажутся отношение к убийству (убийство слабого сильным, убийство на войне), унижение другого, плата злом за добро. Несколько выделяются следующие ситуации: смерть человека при спасении слабого и смерть-жертва при защите близкого. В библейском тексте смерть-жертва во спасение – скорее благо. В рассказе С.Н. Сергеева-Ценского иначе. Контекстов, раскрывающих содержание эмоционального состояния, описывающих переживание мальчика, немного: *сидит несколько мгновений, выпятив губу; говорит насупясь*. Та же реакция на финал сказки о лисе и зайцах. Лиса на добро отвечает злом: хочет съесть зайчат, а потом выгоняет всю заячью семью из дома.

Леня снова *сидит насупясь, болтает ножонками, и ресницы у него были мокрыми*. Дядя Черный и Леня рассматривают картинки, и история повторяется. Драка на палубе, избивание лежачего – снова *не надо*. Бокс, удары в голову и живот – *не надо*. Императив меняет эмоциональную окраску, становится восклицательным. В этих случаях больше слов, характеризующих степень испытываемого чувства. Контекстуальными распространителями выступают *укоризненно, удивленно, строго*. Последняя история – по картинке о войне. Вербальной оценки бессмысленности смерти нет, но Леня убегает в другую комнату.

Сопротивление злу по отношению к другим соотносится и с активными действиями: «Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек» [21, 36, ст. 27]. Действительно, в ситуациях столкновения со злом частой реакцией и действием мальчика являются желание уйти или сам уход. Финальным решением становятся ситуация в цирке и влияние Лени на друга его родителей. Это уже активная позиция – делай добро (хотя в отношении мальчика и неосознанная). Во время неудачного выступления клоунов Фрица и Франца вновь звучит НЕ НАДО. Только ситуация оказывается кульминационной. Один клоун ударял другого по лицу, «как вдруг Леня на весь цирк <...> крикнул¹: *Не надо! Ай, не надо!* <...> такой маленький, он соскочил с колен матери, топал ножонками <...> и кричал: *Не надо!* И лицо у него было возмущенное, почти гневное <...> Леня плакал, уткнувшись в колени матери и вздрагивая плечиками» [22, с. 49].

В обычной ситуации, неудачном глупом цирковом выступлении, – глубокий смысл. С точки зрения православного религиозного сознания это ситуация унижения человеческого достоинства. *Достоинство* человека в религиозной языковой картине мира является значимой нравственной категорией. Согласно тексту Библии, человек сотворен по образу и подобию Божьему, поэтому «человек перед Творцом мал

¹Здесь и далее подчеркнуто автором настоящей статьи.

и в то же время велик» [8, с. 42]. Унижение достоинства другого человека, а значит, и божественного в человеке, а в ответ – детский императив «НЕ НАДО». Мальчик своей реакцией на увиденное – поведением, словами – ведет за собой взрослых. И здесь не молчаливое ожидание конца неприятного номера, а активное сопротивление, прекращение того, что понимается как неправильное: «Почему-то отчетливо стало видно многих, неясных раньше. Довольно! – крикнул чей-то хриповатый голос. Будет! Довольно! Глупо! Умнее не могли придумать?» [22, с. 49]. Клоуны под свист и шум были вынуждены бежать с арены. Впервые в тексте имплицитно устанавливаются ассоциативные связи концептов *Ребенок – Пророк*.

Анализ ряда контекстов позволяет сделать вывод об интерпретации религиозного концепта в светском художественном тексте. Через мальчика утверждается идея активного сопротивления злу личным примером. Убедителен сам поступок ребенка. Словесное убеждение только через частотное повторение неизменно «Не надо». Дядя Черный в финале рассказа заметит: «Да ведь это слово пророков <...>, это святое слово» [22, с. 51]. В императиве *Не надо* читаются христианские императивы *Не убий*, *Не делай зла* и др. Многократная повторяемость синонимичных ситуаций, одинаковая оценка и речевая, и поведенческая – все это говорит о значимости концепта-аксиологемы в семантической системе рассказа и языковой картине мира писателя.

Концепт *Умиление* – ключевое понятие православного христианства и одна из значимых аксиологем текста. Лексема *Умиление* в толковом словаре – ‘чувство, состояние растроганности, нежности к кому, чему-либо, любования кем, чем-либо’ [14, т. 16, с. 597]. «Умиление – христианская добродетель, заключающаяся в радостнотворном плаче – возвышенном и смиренном состоянии человеческого сердца, преисполненного осознанием своего недостойнства перед неограниченным Божественным милосердием и человеколюбием» [11, с. 216; 12]; «особое состояние любви человека к чело-

веку и человека к Богу» [23, с. 164]. *Умиление* испытывает дядя Черный, и вызвано оно пониманием характера мальчика, чистоты его души, его правоты. Это оценка взрослого поведения Лени в цирке (оценка выступления клоунов). Слезы ребенка, а не взрослого помогают испытать и осознать чувство умиления: «Леня плакал <...> и у дяди Черного что-то мягкое и теплое, такое забытое, неумное, но дорогое, поднялось и затопило душу» [22, с. 49].

Анализ текста рассказа позволяет выявить смысловую особенность индивидуального стиля С.Н. Сергеева-Ценского: концентрацию аксиологем и констант в кульминационных контекстах. Так, в ассоциативно-семантические связи в рассказе вступают константы *Ребенок – Пасха – Радость*. Это выражено имплицитно через синтагматические связи имен собственных: антропонима – имени мальчика *Леня* и названия особо значимого для православных христиан праздника – *Пасхи*. Если имя мальчика называется, то имя праздника вводится в сравнительной конструкции, через одну атрибутивную характеристику праздника: *пасхальный звон*. Концепт *Радость* и *Пасха* тесно связаны в русском православном сознании: Радость чуда Воскресения. Для персонажа дяди Черного это еще и его личное «воскресение», которое впереди. Уезжая, дядя Черный «вез с собой что-то радостное, как пасхальный звон, и чем больше всматривался в него, <...> тем больше видел, что это – Леня» [22, с. 50].

В рассказе выявлены ассоциативно-семантические связи аксиологем *Ребенок – Душевная теплота – Икона – Молитва – Чудотворные мощи – Умиление – Очищение*. Снова в создании таких связей участвует сравнительная конструкция. Идея рассказа – показать путь от Ребенка к Душевному Просветлению: «...рос белянский теплый мальчик. Мальчик этот заслонил все, что знал раньше о жизни дядя Черный. <...> и с ним, как с забытой молитвой, как с чудотворными мощами, как с иконой, воскресающей мертвых, стало легко, умиленно и звучно» [22, с. 50].

Концепт *Умиление* вступает в устойчивые ассоциативно-семантические связи с концептом *Очищение*. Важным для вербализации данных связей оказывается использование ономастической игры. Только у одного персонажа рассказа нет имени. Это авторское утаивание имени, а новое имя-прозвище дается Леной: «Сам он стал дядей Черным только с этого дня, раньше его звали иначе, но так назвал его Ленья, и все забыли, как его звали раньше» [22, с. 33]. Стилистический эффект использования приема исчезновения собственного имени одного персонажа – «растворение в стихии чужого имени» – может быть прочитан как доминанта образа Ребенка в концептуальной структуре рассказа [24, с. 181]. Причем нигде в тексте нет указания на связь выбора прозвища с внешностью персонажа. Символичным прозвище становится с учетом одного из значений черного цвета: ‘невежество’ [15, с. 410]. Новое знание или возвращение давно забытого знания дается этому персонажу через Ленью. В качестве атрибутивной характеристики концептов *Умиление* и *Очищение* выступает и лексема *слезы*: «...в какую-то молитву к Лене складывались мысли <...> и на глазах у него тяжелели слезы» [22, с. 51].

Лексема *Небо* является именем и репрезентантом одноименного концепта в русском языковом сознании, участвует в формировании русской языковой картины мира и отражает национальный менталитет [17, с. 222]. В лексикографических источниках зафиксированы следующие значения: ‘воздушное пространство’ и ‘по религиозным представлениям: место, пространство, где обитают Бог или Боги, ангелы и святые, где находится рай’ [14, т. 16, с. 597]. Религиозное понимание *неба* в православной духовной практике, так же как и в христианстве в целом, основывается на Новом Завете. В религиозной картине мира под словом «небо/небеса» подразумевается сам Бог [25, с. 88] и оно тесно связано с понятием духа [26, с. 343]. Данное имя вступает в устойчивые ассоциативно-семантические связи с ключевыми концептами христианской картины мира: *Бог* и *Святость*. *Небо* – это самостоятельный концепт,

имеющий собственную смысловую нагрузку и сферу использования. Его семантический объем определяется как совокупность признаков: «божественное», «вечность», «рай», «святость», связь с модусом веры, «чистота».

Образ *Небо* в поэтико-философской системе С.Н. Сергеева-Ценского концептуально значим. Об этом можно прочесть в работах М.А. Аверинной, А.А. Гриценко, Ю.А. Непрокиной [27, 28]. Лексема *Небо* вынесена в заглавие исследуемого рассказа. Она не частотна по употреблению (выявлены всего три случая функционирования), но оказывается семантически значимой и в результате ключевой. Слово вынесено в сильную позицию текста. Данная лексема композиционно и семантически организует рассматриваемый текст, отсылает читателя к православной концептосфере. Не случайно в рассказе первый контекст употребления лексемы *небо* включает функционирование слова одновременно и в прямом, и в переносном значении, прямая и метафорическая номинация совмещаются. Чувство неловкости испытывает взрослый после обиды, причиненной ребенку. Осознание этого приходит после взгляда на небо.

В результате синтагматических связей контекста и через функционирование в сравнительной конструкции в значении слова *небо* формируются дополнительные компоненты «привычное», «данность», «обычное»: «Дядя Черный так привык уже к этим двум людям, что читал только их мысли и почти не замечал лиц. Это бывает, что глаз скользит по лицу, как по небу, не видя его, но привычно зная, что оно синее, или облачное, или в тучах. Только когда изменялся неожиданно и внезапно удар света, появлялось в лицах то мясное, что дяде Черному так хотелось забыть, когда он думал о человеке» [22, с. 42]. За привычным, ежедневным часто теряется, не видится главное. Только через неожиданное и внезапное можно разглядеть суть. Так отец Лени говорит о мальчишке после происшествия в цирке: «Плохо: малый-то нервный! Теперь еще ночью спать не будет... Беда с ним» [22, с. 49]. А дядя Черный оценивает эту же ситуацию по-другому.

Показательна концептуальность третьего употребления слова *Небо* в анализируемом тексте. В этом контексте становится очевидным выбор названия рассказа. Устанавливаются устойчивые ассоциативно-семантические связи *Леня – Небо – Святость*. «“Не надо!” <...> Да ведь это слово пророков, проклинаемых и распинаемых на крестах, это слово безумцев, – но это святое слово. И разве земля придумала его? – Нет, оно упало когда-то с неба и живет – в загоне, в отрешках, но живет, скорбя, и глядит всевидящими глазами. Леня! <...> Знай, что ты носишь в себе небо, – самое лучшее, что есть на земле... И разве не навсегда оледенеет земля, если отнять от него небо? ..» [22, с. 51]. Константа *Небо* вступает в контекстуальные антонимические отношения с константой *Земля*, образуя устойчивую бинарную оппозицию. Концепты *Небо* и *Земля* в русском языке содержательно связаны с понятиями *Жизнь*, *Смерть*, *Бог*, *Человек* [29, с. 10]. Известна русская поговорка «Не Земля родит, а Небо». Земля дает пищу человеку и животным только благодаря небу. Во многих религиях небо представлялось как божий престол, а земля – как подножие [28, с. 28]. Леня выступает носителем высшей правды, «связующим звеном» между Небом и Землей.

Оппозиция *Небо – Земля* неразрывно связана с другой бинарной оппозицией текста *Теплота – Лед*. За составляющими оппозиции закрепляются антонимические признаки. В значении константы *Небо* актуализируются семы ‘лучшее’, ‘жизнь’, ‘святость’, ‘теплота’. *Оледенеть* – коченеть, стыннуть от холода без тепла. В словаре синонимов русского языка указаны синонимические связи *оледенеть – омертветь, помертветь, похолодеть* [30]. Значение концепта *Земля* приобретает сему ‘смерть’ в результате синтагматических связей со словом *оледенеет*. На концептуальном уровне это вызвано утратой связей с константами *Небо*, *Святость*. Агрессивное воздействие концепта *Лед/Холод* переносится в область духовного мира человека и порождает новые смыслы, такие как ‘утрата теплоты, ду-

шевной сердечности, любви, чистоты, утрата связи с Богом’.

Следует обратить внимание на то, что аксиологемы и константы образуют в тексте зоны «сгущения», когда в кульминационные моменты повествования резко увеличивается их концентрация в малых контекстах. «Христос и Будда, и все правдолюбцы разных времен, – оказалось, что в этой детской легли неслышно их тени. Они уже жили в Лене <...> и вскрикивали от чужой боли: “Не надо...” Рос храм будущего <...>. В тихих комнатках набухла и когда-нибудь вся целиком упадет в жизнь та капля любви, которой так не хватает жизни, и когда упадет, – станет тихо, радостно и тепло» [22, с. 50]. Два имени *Христос* и *Будда* как экспликации двух религиозных учений, объединенных общей идеей спасения (хотя и различными способами), нашедшей отражение в тексте рассказа. Неожиданность соединения в однородном ряду свидетельствует о значимости в языковой картине мира С.Н. Сергеева-Ценского константы *Человекобог*: Христос как сын Божий, Будда не говорил о своей божественности. И удивительно, что этот ряд дополняет в рассказе маленький мальчик *Леня*, несущий в себе «искру Божью». Возможно, в качестве доказательства может быть рассмотрен выбор имени персонажа. *Ленька* – разговорный вариант полного имени *Леонид* (пер. с греч. «лев, сын льва, подобный льву») [31, с. 219]. В христианстве *лев* становится символом *Иисуса Христа*. Автор статьи понимает недостаточность лингвистических доказательств в данном случае, но в концептуальном плане ассоциативно-семантические связи констант *Иисус Христос* и *маленький ребенок* очевидны. Введение имени собственного *Будда* расширяет концептосферу рассказа, она не исчерпывается аксиологемами только православного учения о христианстве.

В словах-молитве дядя Черный обращается к Лене, несущему в себе *Небо*. В одном ассоциативно-семантическом ряду оказываются особо значимые для русского православного языкового сознания константы: *Жизнь*, *Любовь*, *Тиши-*

на, Радость, Теплота, Чудо, Правда, Святость, Ребенок. Гармония в душе ребенка позволяет видеть гармонию и вокруг себя. Получается, что это и есть то подлинное Царство Божие, которое находится «внутри нас» [32, 17:21].

Проведенный анализ реализации православных констант и аксиологем в рассказе дает представление о значимости данных категорий для художественного осмысления действительности С.Н. Сергеевым-Ценским. В настоящем исследовании осуществлялась попытка проследить, как христианские константы осмысляются и вводятся в семантическую структуру светского художественного текста, выявить их семантическое наполнение в тексте рассказа. Функционирование концептов связано с мировосприятием автора. Ассоциативные связи

концептов рассказа носят аксиологический характер и участвуют в организации его концептосферы. Концептосфера рассказа как сложная система взаимосвязанных лингвокультурных (художественных) концептов представлена константами *Ребенок, Небо, Несопrotивление злу/ Сопrotивление злу, Человеческое достоинство, Умиление, Очищение, Богочеловек/Человекобог, Любовь, Теплота, Святость* и др. Анализ материала показал, что содержание концептов в рассказе «Небо» составляют онтологические и аксиологические признаки. Пути формирования значения аксиологем в художественном тексте С.Н. Сергеева-Ценского разнообразны: расширение семантического объема слова, бинарные оппозиции, ассоциативные связи с разными понятиями, сравнительные конструкции.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. 824 с.
2. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. С. 185–197.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Романова Т.В. Топоним *Соловки* в русском художественно-публицистическом дискурсе: Образ? Понятие? Символ? Метафора? Культурема? Мифологема? Идеологема? Аксиологема? Концепт? // Мир рус. слова. 2012. № 3. С. 30–37.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология как наука о наиболее культуруносных языковых сущностях // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2014. № 16. С. 78–90.
6. Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 10(59). С. 128–135.
7. Берестовская Д.С. Метафора в образном мире раннего Сергеева-Ценского // Культура народов Причерноморья. 2001. № 23. С. 95–101.
8. Хворова Л.Е. С.Н. Сергеев-Ценский в современном литературоведении: итоги и перспективы изучения (К 140-летию со дня рождения писателя) // Филол. регионалистика. 2015. № 1-2(13-14). С. 38–44.
9. Хворова Л.Е. Эпопея С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» в культурно-аксиологической парадигме русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2000. 364 с.
10. Краснослободцева Т.А. Ф.М. Достоевский в художественном мире С.Н. Сергеева-Ценского: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 190 с.
11. Иванникова С.Г., Хворова Л.Е. Мотив умиления и его репрезентация в творчестве Ф.М. Достоевского и С.Н. Сергеева-Ценского // Соц.-экон. явления и процессы. 2012. № 9(043). С. 214–219.
12. Иванникова С.Г. Мотив умиления и его трансформация в русской литературе: Ф.М. Достоевский и С.Н. Сергеев-Ценский: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. 224 с.
13. Осьмухина О.Ю. Специфика воплощения темы детства в прозе Л. Улицкой // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 227–231.
14. Словарь современного русского литературного языка (БАС): в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
15. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

16. Федоров Иоанн, свящ. Будьте как дети. URL: <http://www.pravoslavie.ru/110476.html> (дата обращения: 26.01.2019).
17. Евангелие от Матфея // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Рос. библ. о-во, 1994. С. 1011–1053.
18. Дронов М., прот. «Не противься злomu...». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Dronov/ne-protivsjazlomu/ (дата обращения: 26.01.2019).
19. Фивейский М., свящ. Евангелие от Матфея // Толковая Библия. СПб., 1911. Т. 8. С. 106.
20. Первое послание к коринфянам святого апостола Павла // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Рос. библ. о-во, 1994. С. 1244–1261.
21. Псалтырь // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Рос. библ. о-во, 1994. С. 536–596.
22. Сергеев-Ценский С.Н. Небо // Сергеев-Ценский С.Н. Повести. Рассказы / сост. и вступ. ст. Н. Любимова. М.: Правда, 1987. С. 32–51.
23. Захаров В.Н. Умиление как категория поэтики Достоевского // Теория Традиции: христианство и русская словесность: коллектив. моногр. / науч. ред., сост., предисл. Г.В. Москалева. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 163–185.
24. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
25. Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета. Словарь-справочник / авт.-сост. К. Барнуэлл, П. Дэнси, Т. Поп, пер. с англ. СПб.: Герменевт; Библия для всех, 1996. 192 с.
26. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель; АСТ, 2004. 556 с.
27. Аверина М.А., Гриценко А.А. Лексема «Небо» в русском семантическом пространстве // Актуал. проблемы гуманист. и естеств. наук. 2015. № 7-1. С. 220–222.
28. Непрокина Ю.А. Ключевая роль лексемы *Небо* в поэме С.Н. Сергеева-Ценского «Печаль полей» // Вестн. ТГУ. 2008. Вып. 6(62). С. 27–32.
29. Сюцин Ч. НЕБО и ЗЕМЛЯ в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 198 с.
30. Словарь синонимов. URL: <https://sin.slovaronline.com> (дата обращения: 03.05.2019).
31. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-пресс, 1995. 736 с.
32. Евангелие от Луки // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Рос. библ. о-во, 1994. С. 1081–1126.

References

1. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of Russian Culture. Studies]. Moscow, 1997. 824 p.
2. Karasik V.I. O kategoriyakh diskursa [On Discourse Categories]. *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* [Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects]. Volgograd, 1998, pp. 185–197.
3. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 477 p.
4. Romanova T.V. Toponim *Solovki* v russkom khudozhestvenno-publitsisticheskom diskurse: Obraz? Ponyatie? Simvol? Metafora? Kul'turema? Mifologema? Ideologema? Aksiologema? Kontsept? [Toponym “Solovki” in the Russian Artistic-Publicistic Discourse: Image? Notion? Symbol? Metaphor? Culturologeme? Mythologeme? Ideologeme? Axiologeme? Concept?]. *Mir russkogo slova*, 2012, no. 3, pp. 30–37.
5. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya kak nauka o naibolee kul'turonosnykh yazykovykh sushchnostyakh [Cultural Linguistics as a Science of the Most Culture-Carrying Linguistic Phenomenon]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2014, no. 16, pp. 78–90.
6. Kryukova G.A. Kontsept. Opredelenie ob'ema sodержaniya ponyatiya [Concept. Determination of Content Denotation]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2008, no. 10, pp. 128–135.
7. Berestovskaya D.S. Metafora v obraznom mire rannego Sergeeva-Tsensskogo [Metaphor in the Figurative World of Sergeev-Tsensky's Early Works]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2001, no. 23, pp. 95–101.

8. Khvorova L.E. S.N. Sergeev-Tsenskiy v sovremennom literaturovedenii: itogi i perspektivy izucheniya (K 140-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) [S.N. Sergeyev-Tsenskiy in the Modern Literary Studies: The Results and the Prospects of Studying (to 140th Anniversary of His Birthday)]. *Filologicheskaya regionalistika*, 2015, no. 1-2, pp. 38–44.
9. Khvorova L.E. *Epopeya S.N. Sergeeva-Tsenskogo "Preobrazhenie Rossii" v kul'turno-aksiologicheskoy paradigme russkoy literatury* [S.N. Sergeyev-Tsenskiy's Life Work *Russia's Transfiguration* in the Cultural-Axiological Paradigm of Russian Literature: Diss.]. Tambov, 2000. 364 p.
10. Krasnoslobodtseva T.A. *F.M. Dostoevskiy v khudozhestvennom mire S.N. Sergeeva-Tsenskogo* [F.M. Dostoevsky in the Artistic World of S.N. Sergeyev-Tsenskiy: Diss.]. Tambov, 2005. 190 p.
11. Ivannikova S.G., Khvorova L.E. Motiv umileniya i ego reprezentatsiya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i S.N. Sergeeva-Tsenskogo [The Motif of Tenderness and Its Representation in F.M. Dostoevsky's and S.N. Sergeyev-Tsenskiy's Works]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2012, no. 9, pp. 214–219.
12. Ivannikova S.G. *Motiv umileniya i ego transformatsiya v russkoy literature: F.M. Dostoevskiy i S.N. Sergeev-Tsenskiy* [The Motif of Tenderness and Its Transformation in Russian Literature: F.M. Dostoevsky and S.N. Sergeyev-Tsenskiy: Diss.]. Tambov, 2016. 224 p.
13. Os'mukhina O.Yu. Spetsifika voploshcheniya temy detstva v proze L. Ulitskoy [Specific Features of the Embodiment of the Childhood Theme in L. Ulitskaya's Prose]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 6, pp. 227–231.
14. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (BAS)* [A Dictionary of the Modern Russian Literary Language (BAS)]. Moscow, 1948–1965.
15. Tresidder J. *Dictionary of Symbols: An Illustrated Guide to Traditional Images, Icons and Emblems*. London, 1999. 240 p. (Russ. ed.: Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov*. Moscow, 2001. 448 p.).
16. Fedorov I. *Bud'te kak deti* [Become as Little Children]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/110476.html> (accessed: 26 January 2019).
17. Evangelie ot Matfeya [The Gospel of Matthew]. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Scripture Books of the Old and New Testaments]. Moscow, 1994, pp. 1011–1053.
18. Dronov M. "Ne protiv'sya zlomu..." ["Do Not Resist an Evil Person..."]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Dronov/ne-protivsya-zlomu/ (accessed: 26 January 2019).
19. Fiveyskiy M. Evangelie ot Matfeya [The Gospel of Matthew]. *Tolkovaya Bibliya* [An Explanatory Bible]. St. Petersburg, 1911. Vol. 8, p. 106.
20. Pervoe poslanie k korinfyanam svyatogo apostola Pavla [The First Epistle to the Corinthians by Paul the Apostle]. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Scripture Books of the Old and New Testaments]. Moscow, 1994, pp. 1244–1261.
21. Psaltyr' [Psalter]. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Scripture Books of the Old and New Testaments]. Moscow, 1994, pp. 536–596.
22. Sergeyev-Tsenskiy S.N. Nebo [The Sky]. Sergeyev-Tsenskiy S.N. *Povesti. Rasskazy* [Novellas. Stories]. Moscow, 1987, pp. 32–51.
23. Zakharov V.N. Umilenie kak kategoriya poetiki Dostoevskogo [Tenderness as a Category of Dostoevsky's Poetics]. Moskalev G.V. (ed.). *Teoriya Traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost'* [The Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature]. Izhevsk, 2009, pp. 163–185.
24. Vasil'eva N.V. *Sobstvennoe imya v mire teksta* [Proper Name in the World of Text]. Moscow, 2009. 224 p.
25. Barnwell K., Dancy P., Pope T. *Key Biblical Terms in the New Testament: An Aid for Biblical Translators*. Summer Institute of Linguistics Inc., 1995 (Russ. ed.: Barnuell K., Densi P., Pop T. (comps.). *Klyuchevye ponyatiya Biblii v tekste Novogo Zaveta. Slovar'-spravochnik*. St. Petersburg, 1996. 192 p.).
26. Andreeva V., Kuklev V., Rovner A. *Entsiklopediya. Simvol'y, znaki, emblemy* [Encyclopaedia. Symbols, Signs, Emblems]. Moscow, 2004. 556 p.
27. Averina M.A., Gritsenko A.A. Leksema "Nebo" v russkom semanticheskom prostranstve [Lexeme "Sky" in the Russian Semantic Space]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, no. 7-1, pp. 220–222.
28. Neprokina Yu.A. Klyuchevaya rol' leksemy Nebo v poeme S.N. Sergeeva-Tsenskogo "Pechal' poley" [The Key Role of the Lexeme *Sky* in S.N. Sergeyev-Tsenskiy's Poem "The Sadness of Fields"]. *Vestnik TGU*, 2008, no. 6, pp. 27–32.
29. Syutsin Ch. *NEBO i ZEMLYA v russkoy yazykovoy kartine mira* [The SKY and the EARTH in the Russian Linguistic Worldview: Diss.]. Moscow, 2010. 198 p.
30. *Slovar' sinonimov* [A Dictionary of Synonyms]. Available at: <https://sin.slovaronline.com> (accessed: 3 May 2019).

31. Tikhonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [A Dictionary of Russian Given Names]. Moscow, 1995. 736 p.

32. Evangelie ot Luki [The Gospel of Luke]. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Scripture Books of the Old and New Testaments]. Moscow, 1994, pp. 1081–1126.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.33

Margarita I. Kuz'mina

Linguistics University of Nizhny Novgorod;
ul. Minina 31a, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0111-8011> e-mail: kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

S.N. SERGEYEV-TSENSKY'S STORY "THE SKY" IN THE CONTEXT OF AXIOLOGEMES/CONSTANTS OF THE ORTHODOX LINGUISTIC WORLDVIEW

The article is devoted to the problem of studying the semantics of language units in literature, in particular, the functioning of axiological concepts in fiction. The material of the research is S.N. Sergeyev-Tsensky's story "The Sky" (1908). The purpose of the article was to explore the story's conceptual sphere associated with Orthodox axiology and identify intertextual links with the Bible. The following axiological concepts were chosen as the object of this study: baby, sky, non-resistance to evil/resistance to evil, human dignity, tenderness, cleansing, God-man/man-God, and others. These are important concepts for the Russian Orthodox worldview and for S.N. Sergeyev-Tsensky's linguistic worldview. The direct subject of this study is the semantic explication of these concepts. It should be noted that the research is in line with the leading trends in the contemporary humanities, including the study of the cultural value paradigm. A complex methodology was applied here, combining different methods and techniques: conceptual analysis, component analysis of a literary text, and continuous sampling. This methodology allowed the author to determine the linguistic representation of the concepts' meanings and reconstruct the conceptual sphere of "The Sky". In addition, the paper revealed the semantic scope of the axiological concepts and ways of their semantic organization in S.N. Sergeyev-Tsensky's language, as well as the associative-semantic links between the concepts. Further, the ways of forming the axiologemes' meanings in "The Sky" were determined: expansion of the word's semantic scope; binary oppositions; associative relations with different concepts; comparative constructions. Inferences were made about the features of S.N. Sergeyev-Tsensky's poetics: conceptualization of the meanings of individual linguistic units and enhancement of the value component in the concepts' structure in secular fiction. The language material under study can be used in special courses on cultural linguistics, on the writer's linguistic worldview, and on the philological text analysis.

Keywords: *semantics of language units, constant, axiologeme, writer's linguistic worldview, S.N. Sergeyev-Tsensky, Orthodox worldview.*

Поступила: 28.08.2019

Принята: 29.10.2019

Received: 28 August 2019

Accepted: 29 October 2019

For citation: Kuz'mina M.I. S.N. Sergeyev-Tsensky's Story "The Sky" in the Context of Axiologemes/Constants of the Orthodox Linguistic Worldview. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 1. pp. 33–43. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.33